

Марина
СЕРОВА

**Опасный
Цветок**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Опасный цветок

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Опасный цветок / М. С. Серова — «Эксмо», 2022 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

ISBN 978-5-04-175010-7

К частному детективу Татьяне Ивановой обращается новая клиентка Елизавета с просьбой расследовать смерть ее сестры. Женщина выпала из окна квартиры, и можно было бы, как и полиция, счесть это несчастным случаем, если бы не одно но. Погибшая держала в руках ромашку, хотя при жизни она этот цветок ненавидела. Елизавета уверена, смерть сестры – дело рук убийцы. И только на Татьяну Иванову все надежды... Марина Серова – феномен современного отечественного детективного жанра. Выпускница юрфака МГУ, работала в Генеральной прокуратуре. С 1987 года по настоящее время – сотрудник одной из специальных служб. Участвовала в боевых операциях и оперативных мероприятиях. Автор ряда остросюжетных повестей, суммарный тираж которых превышает двадцать миллионов экземпляров. Марина Серова представляет детектив о сложной работе частного детектива Татьяны Ивановой.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-175010-7

© Серова М. С., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марина Сергеевна Серова

Опасный цветок

© Серова М.С., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Послеполуденное июльское солнце нещадно палило, словно вознамерилось убедить горожан, насколько они не правы, оставаясь в каменных джунглях, вместо того чтобы наслаждаться отдыхом на берегу какого-нибудь прохладного водоема. Я мысленно проклинала себя за то, что отказалась от предложения моей подруги Ленки-француженки махнуть с ней на десять дней на турбазу. С Леной, или Леной-француженкой, как я ее называю, мы дружим с незапамятных времен. Лена преподает французский язык в самой обычной средней школе и, несмотря на сопутствующие трудности и невысокую заработную плату, свою работу любит и менять не собирается. Я обычно с удовольствием провожу время в компании подруги, но вот ее поразительное умение выбирать абсолютно неподходящих мужчин меня порой всерьез утомляет. И ведь чем менее годится очередной кавалер для потенциальных серьезных отношений, тем большие дивирамбы расточает ему моя неугомонная подруга.

Вот и теперь она заявила, что собирается провести часть отпуска с необыкновенным, если верить ее заверениям, самым brutальным, умеющим решать любые проблемы, и при этом самым романтичным и вообще самым-самым во всех смыслах мужчиной. Уже одно это описание заставило меня насторожиться. Ведь каждый раз после непродолжительного общения с очередным «самым-самым» зареванная Ленка мчалась ко мне и очень долго и обстоятельно объясняла, почему нельзя верить мужчинам, перемежая свой рассказ всхлипываниями, пока я на своей небольшой кухне отпаивала ее кофе с коньяком.

Я робко попыталась напомнить Елене, что и все ее предыдущие поклонники тоже казались ей «самыми-самыми» со знаком плюс, но была остановлена потоком заверений, что предыдущие нынешнему и в подметки не годятся. Что ж, будем надеяться... Однако когда Ленка сообщила, что и для меня нашла кавалера, приятеля того самого идеала, я лишь крепко зажмурилась и скрипнула зубами. Ну вот, начинается... Пришлось пустить в ход тяжелую артиллерию, сославшись на намечающееся расследование. Ленка тотчас же завершила, что не собирается меня отвлекать – работа есть работа, ничего не поделаешь. После чего искренне посочувствовала, что мне придется торчать в городе в такую жару. Я даже испытала легкий укол совести, ведь подруга простосердечно переживала, что мне предстоит испытывать дискомфорт по меньшей мере несколько недель, пока летнее пекло не пойдет на убыль. К тому же никакого расследования я сейчас не вела и чувствовала себя жуткой дрянью, поскольку обманывала свою простодушную подругу.

И кто бы мог подумать, что уже нынешним утром я пожалею, что отказалась от Ленкиного предложения познакомиться с очередным эталоном настоящего мужчины. Ведь именно сегодня у меня как никогда вовремя сломался кондиционер. Лучшего времени для такого поступка со стороны охлаждающей техники и представить нельзя. Термометр сообщал, что температура за окном уже с утра перевалила за тридцатиградусную отметку, на небе ни облачка. В квартире, несмотря на распахнутые окна, стояла почти нестерпимая духота. Настойчиво отгоняя наводящие ужас мысли о том, какой же климат установится в моем жилище во второй половине дня, я принялась лихорадочно изучать сайты, имеющие хоть какое-то отношение к ремонту кондиционеров. Каждый раз, найдя подходящее объявление, я воодушевленно набирала указанный номер телефона. Однако вежливый голос сообщал, что принять мой заказ смогут лишь ближе к концу недели, а это автоматически означало, что жить в режиме фауны африканской пустыни мне придется как минимум три-четыре дня. Когда-то я читала, что обитающие в пустыне мелкие грызуны способны впадать в спячку аж на девять месяцев, чтобы пережить атаку смертоносного центральноафриканского зноя. Однако хотя я и обладаю некоторыми неординарными способностями, отличающими меня от среднестатистического обывателя, искусством впадать в длительный анабиоз мне все еще не удалось овладеть.

Наконец я наткнулась на сайт монтажно-сервисной фирмы, где мне пообещали срочный ремонт к концу следующего дня. Принимая во внимание, что слово «срочный» следует оценивать не в том контексте, на который я рассчитывала, мне пришлось со вздохом согласиться. Кто бы мог подумать, что эта услуга именно сейчас окажется настолько востребованной. Словно кондиционеры всего города сговорились дружно сломаться.

Я поплелась на кухню и налила себе стакан холодной воды. По утрам мне нужен кофе. Впрочем, чашка этого напитка мне требуется каждые три-четыре часа, но именно утренний кофе запускает мои мыслительные и прочие жизненно важные процессы. Однако едва взяв в руки кофеварку, я тотчас же с отвращением взглянула на плиту и решительно убрала емкость для приготовления кофе обратно в шкафчик. Одна лишь мысль о том, что мне придется зажигать газ и накалять и без того невыносимую температуру на кухне заставила меня содрогнуться. Нет, никаких кухонных работ, пока не установится более или менее сносный климат.

Ретировавшись из кухни, я наскоро приняла душ и натянула легкий сарафан на узеньких бретелях из тонкого светло-бежевого хлопка, подол которого заканчивался примерно на ладонь выше колена. Не экстремально короткая юбка, но при этом вполне позволяющая оценить красоту моих стройных ног.

Подойдя к зеркалу, я собрала свои длинные светлые волосы в высокий узел на затылке. Эта прическа, которую я мысленно отнесла к разряду пляжных, в такую жару была куда уместнее распущенных по плечам волос. Прихватив сумочку, я с удовольствием оглядела себя в зеркале и вышла из квартиры.

Мой путь лежал в кафе, расположенное примерно в квартале от моего дома. Мне уже не раз случалось наведываться туда во время ланча, а заодно и заказывать пиццу или роллы навынос. К тому же там подавали превосходный кофе. Не растворимую бурду, как во многих заведениях общественного питания, а крепкий, ароматный, приготовленный из свежемолотых зерен.

Я уже подходила к знакомому одноэтажному павильону, предвкушая, как окунуться в прохладный полумрак просторного зала, как в моей сумочке завибрировал телефон. Неужели Ленка вновь вознамерилась уговорить меня провести время в компании самых брутальных мужчин? Но ведь к этому сомнительному удовольствию прилагается возможность провести несколько дней в загородной идиллии. В конце концов, шанс сбежать из задыхающегося в перегретой выхлопной гари областного центра перевесил эти разумные опасения, поэтому извлекая из сумочки телефон, я была настроена дать подруге положительный ответ.

К моему удивлению, номер на экране оказался незнакомым.

– Татьяна Александровна? – высокий женский голос звучал требовательно и взволнованно одновременно.

– Слушаю вас, – автоматически ответила я, хотя в данный момент меньше всего жаждала общения с кем бы то ни было. Пределом моих мечтаний было обосноваться в прохладе оборудованного кондиционерами зала и заказать чего-нибудь прохладительного. А уже после насладиться наконец чашечкой кофе. А потом еще одной.

– Мне вас рекомендовали как...

Мне не было особой нужды вникать, как именно рекомендовали меня этой нервной особе. В таких случаях я, как правило, выслушиваю стандартный набор комплиментов: лучший частный детектив, который помог, распутал безнадежное дело, безошибочно вычислил преступника и тому подобные дифирамбы. Не сказать, что это неприятно, но слишком уж предсказуемо. Однако на этот раз поток хвалебных отзывов прекратился на удивление быстро, после чего последовал вопрос:

– Когда мы можем встретиться?

Ого, вот это напор! А почему моя собеседница так уверена, что я готова с ней встретиться? Одно из моих непреложных правил – никогда не вести более одного расследования

одновременно. Похоже, дама и мысли не допускала, что я могу быть занята чем-то другим. Впрочем, не так уж она и ошибается. Мое последнее расследование завершилось дней десять назад, и честно говоря, я отнюдь не жаждала возобновлять деловую активность, пока температура окружающей среды не снизится до приемлемых значений. Между тем я уже успела дойти до вожделенного пункта назначения, то есть уже открывала дверь в кафе, проигнорировав расположенные возле здания столики под разноцветными тентами. Посему я, недолго думая, ответила:

– Если вас устроит, можем встретиться прямо сейчас.

Едва я сообщила название кафе, как тревога в голосе моей собеседницы сменилась воодушевлением.

– Да-да, я знаю, где это! – заверила она меня, словно я только и делала, что высказывала опасения, как бы моя потенциальная клиентка не заблудилась. – Буду через четверть часа.

Очутившись в просторном затененном зале, я с удовлетворением отметила, что мои ожидания оправдались. Прохлада, мягкий приглушенный свет, едва слышная меланхолическая расслабляющая мелодия, а главное – почти полное отсутствие посетителей, если не считать юной парочки за столиком и задумчивого пожилого джентльмена у входа, погруженного в чтение какой-то брошюры.

В дополнение к эспрессо я заказала ананасовый сок со льдом и двойную порцию фисташкового мороженого. Десерт мне принесли незамедлительно, и я принялась с удовольствием поглощать ледяное лакомство, ожидая кофе, а заодно и жаждавшую пообщаться со мной даму. Только тут я сообразила, что не имею понятия не только о предмете предстоящей беседы, но даже о том, как зовут возможную клиентку. Эта нервозная особа была настолько лаконична в своих высказываниях, что не сочла нужным даже просто представиться. Я же на этот раз почему-то упустила это обстоятельство из виду, хотя обычно начинаю разговор с уточнения, с кем именно говорю. Жара подействовала, не иначе...

Ровно через четверть часа дверь кафе распахнулась, и в зал влетела молодая женщина лет тридцати. Быстро поведя головой из стороны в сторону, она устремилась напрямик к моему столику. Что ж, если это и есть моя недавняя собеседница, то она на редкость пунктуальна, что уже неплохо.

– Татьяна Александровна? – полуутвердительно осведомилась дама, остановившись подле меня и с трудом переводя дыхание.

Я кивнула, и она опустилась на стул напротив.

– Извините, я забыла представиться, – с ходу затараторила моя собеседница. – Меня зовут Ковалькова Елизавета Валерьевна. Можно просто Лиза.

– Очень приятно, – я сдержанно кивнула. Пока Елизавета говорила, я несколько секунд с интересом к ней присматривалась. Елизавету Ковалькову можно было бы назвать весьма привлекательной молодой женщиной, если бы не странная художка, которую так некстати подчеркивал сильно открытый брючный комбинезон из тончайшей темно-синей вискозы. Верхняя его часть выставляла напоказ тонкие бледные руки и угловатые плечи.

– Минеральной воды без газа, – потребовала Ковалькова у подлетевшего к столику официанта. – Если можно, из холодильника.

– Как вы здесь выносите это пекло? – на этот раз Елизавета Валерьевна обратилась непосредственно ко мне. – Я уже забыла, какая жара бывает в Тарасове.

Я удивленно подняла брови.

– Вы живете не в Тарасове?

Ковалькова сделала большой глоток из запотевшего стакана.

– Я родилась и выросла в Тарасове, но несколько лет назад перебралась в Москву, – пояснила она. – Приехала несколько дней назад на похороны сестры.

Елизавета отодвинула стакан и нахмурилась, прикусив нижнюю губу. Я предположила, что именно смерть сестры и побудила Ковалькову обратиться к частному детективу. Однако торопить свою собеседницу, задавая уточняющие вопросы, я не стала. Было очевидно, что Ковальковой необходимо собраться с мыслями, и я решила ей не мешать.

– Мою сестру зовут... звали Камилла. Камилла Шальновская. Это важно, – внезапно добавила Елизавета Валерьевна, многозначительно посмотрев мне в глаза.

Я кивнула, мысленно недоумевая, какое значение в предполагаемом расследовании может иметь имя погибшей родственницы клиентки.

– Мы с Камиллой не родные по крови, – продолжала моя собеседница. – Она была моей сводной сестрой. Но мы с Камиллой всегда были дружны, очень хорошо понимали друг друга...

Голос Елизаветы сорвался, и она торопливо сделала несколько глотков.

– Что случилось с вашей сестрой? – осторожно уточнила я, поскольку Ковалькова вновь замолчала, часто заморгав и пытаясь сдержать подступившие к глазам слезы.

– Она разбилась насмерть, – тихо ответила Елизавета, опустив голову. – Выпала из окна своей квартиры на семнадцатом этаже.

– Несчастный случай? – спросила я.

Елизавета быстро глянула на меня и невесело усмехнулась.

– Следствие именно так и решило, – задумчиво произнесла она. – Все указывает на то, что это был несчастный случай, оснований для открытия уголовного дела нет.

– А что именно указывало на несчастный случай? – поинтересовалась я.

Ковалькова, немного поколебавшись, решительно тряхнула головой.

– Хорошо, – она, видимо, взяла себя в руки. – Я лучше расскажу вам все с самого начала. Тогда вы поймете, что мою сестру убили.

Я послушно кивнула и приготовилась слушать.

– Как я уже сказала, мы с Камиллой были сводными сестрами, – начала Ковалькова. – После смерти моей мамы отец вскоре познакомился с матерью Камиллы. Они влюбились друг в друга с первого взгляда, буквально жить не могли друг без друга, хотя оба были бедны как церковные мыши. Мой отец как-то глупо растратил все деньги, даже нашу единственную квартиру спустил за долги, мы с ним какое-то время таскались по съемным углам. Камилла с матерью жили тогда в комнате в коммуналке. Потом и мы с отцом туда перебрались.

– Как же вы жили вчетвером в одной комнате в коммуналке?! – изумленно спросила я.

– Замечательно жили! – воодушевленно отозвалась Елизавета. – Очень дружно и весело. Представьте, так бывает.

Я, будучи законченным интровертом, подобной идиллии представить себе не могла, но спорить не стала.

– Мой отец и мать Камиллы были замечательными людьми, веселыми, общительными, легкими на подъем. К нам очень хорошо относились, хотя мы были уже взрослыми. Камилла была младше меня на пять лет, но мы с ней стали лучшими подругами. Во всем друг друга поддерживали, делились секретами и все такое.

Ковалькова прервала свой рассказ, отпив еще немного воды.

– Вы сказали, что ваши родители были замечательными людьми, – осторожно спросила я. – Их что, больше нет?

Ковалькова, вздохнув, кивнула.

– Погибли в автокатастрофе, – коротко пояснила она. – Умерли сразу, мгновенно. Так мне сказала Камилла, когда позвонила, чтобы сообщить об их смерти. Я ведь к тому времени уже перебралась в Москву, открыла свой бизнес, ногтевую студию.

Я невольно задержала взгляд на пальцах моей собеседницы. Длинные ногти с затейливым маникюром непроизвольно притягивали взгляд. Елизавета улыбнулась.

– Работа моих мастериц, – пояснила она. – Теперь мне нет нужды самой себе полировать ногти. Только не думайте, что раскрутить успешный бизнес в Москве так уж легко. Мне многое пришлось преодолеть, вы даже не представляете...

Меня отнюдь не прельщала перспектива слушать длинный рассказ о жизненных перипетиях успешной бизнес-леди, поэтому я дружески улыбнулась и многозначительно произнесла:

– Понимаю.

Моя реакция удовлетворила Ковалькову, и она продолжила рассказ о своей сводной сестре:

– После смерти родителей Камилла осталась одна, так и жила в нашей комнатухе в коммуналке. Все бы ничего, но вот соседи... Сплошные алкаши и дебоширы. Камилла жаловалась, что один из них буквально прохода ей не давал. Однажды вломился в ванную, когда она принимала душ. Представляете, что девчонка пережила? Еле отбилась от этого придурка и спряталась у себя в комнате. Использовала любую возможность, чтобы как можно меньше бывать в этом аду, часто оставалась ночевать у подруг, а то и вовсе у себя в парикмахерской, в служебном помещении.

– В парикмахерской? – переспросила я. Мне было искренне жаль девушку, которой приходилось жить в таких жутких условиях. Ковалькова кивнула.

– Камилла освоила профессию мужского стилиста, устроилась на работу в барбершоп.

Елизавета ненадолго умолкла, страдальчески нахмурившись. Я заподозрила, что подобная негативная реакция напрямую связана с упоминанием о работе Камиллы. Вскоре я убедилась, что интуиция меня не подвела.

– Мне с самого начала не нравилась вся эта затея, – заявила Ковалькова, резко вздернув подбородок.

– Затея освоить профессию парикмахера? – удивилась я. Ковалькова окинула меня каким-то странным взглядом, словно сомневаясь, стоит ли продолжать.

– Елизавета Валерьевна, – холодно произнесла я, – если вы хотите, чтобы я вам помогла, вам не следует скрывать от меня любую информацию, которая имеет хоть какое-то отношение к расследованию. Если вы по каким-то причинам не можете или не хотите придерживаться данного пункта, вам лучше поискать другого частного детектива.

– Да-да, я все понимаю, – торопливо отозвалась Ковалькова. – Просто это так неприятно... Я словно очерняю память сестры.

Я насторожилась, последнее заявление Елизаветы всерьез меня заинтриговало.

– Как я уже сказала, Камилла жила в ужасных условиях. В коммунальной квартире и так быт не сахар, да еще такие соседи... В общем, Камилла мечтала оттуда съехать, но как? Платили в парикмахерской ей немного, особенно до того как она нашла работу в барбершопе, раньше она работала в обычной женской парикмахерской. Там вообще были гроши. Квартиру она снять не могла, ей бы тогда не на что было жить. О покупке собственной квартиры и вовсе оставалось только мечтать. Вот Камилла и придумала план – познакомиться с обеспеченным мужчиной и переехать жить к нему. А в идеале – выйти за него замуж. Так все и случилось...

– Случилось – что? – уточнила я, поскольку моя собеседница вновь впала в тревожное молчание.

– План Камиллы сработал – вскоре она познакомилась с Сергеем и почти сразу переехала к нему жить. А через несколько месяцев они поженились, я на свадьбу приезжала, финансово помогла, сестра все-таки.

– А кто такой этот Сергей? – поинтересовалась я, поскольку других подробностей об избраннике своей сестры Ковалькова не сообщила. Елизавета раздраженно пожала плечами.

– Обычный парень, работал в автосервисе. Мне он поначалу показался неплохим. Правда, зарабатывал немного. Но! – Ковалькова многозначительно подняла указательный палец. – У него была собственная квартира, однушка в высотке возле нового моста.

Я хорошо знала этот довольно престижный район Тарасова. Странно, Ковалькова упомянула о скромных заработках супруга Камиллы, а ведь цены на квартиры в этой части города доступными не назовешь.

– Бабушка оставила наследство единственному внуку, – пояснила Елизавета, видимо, заметив мое замешательство. – Камилла столько раз хвасталась, что успела увести из-под носа у конкуренток выгодного женишка.

Ковалькова недовольно поморщилась:

– Я говорила Камилле, что выходить замуж только ради жилплощади далеко не лучший вариант. Но она уверяла, что Сергей ей сразу очень понравился, иначе она не стала бы с ним встречаться даже из-за квартиры. Сергей красиво ухаживал, хоть и был небогат, но на Камиллу денег не жалел. Рестораны, подарки... Влюбился без памяти, я это сразу заметила, когда приехала в Тарасов перед свадьбой. Он так на нее смотрел...

Елизавета опустила взгляд и тяжело вздохнула.

– И что же произошло? – спросила я.

– Идиллия продолжалась около года, – произнесла Елизавета бесцветным голосом, не глядя на меня, – а потом их отношения стали портиться. Начались придирки, взаимные упреки. К тому же Сергей не был, что называется, примерным супругом. Он начал изменять Камилле, однажды она застала его дома с какой-то девицей. Конечно, Камилла закатила скандал, а он поднял на нее руку. Потом рукоприкладство стало постоянным. Камилла звонила мне, плакала. Я посоветовала ей обратиться к врачу, снять побои. Камилла так и сделала пару раз.

– А в полицию она обращалась? – спросила я. Ковалькова усмехнулась.

– Нет, решила, что тогда Сергей ее бросит, а она этого не хотела. Она ведь влюбилась в него, но уже после свадьбы. Поэтому и ревновала.

– Скажите, Елизавета Валерьевна, – я решила не тянуть и сразу проверить свои подозрения, – вы ведь считаете, что именно Сергей виноват в смерти вашей сестры, и хотите, чтобы я нашла доказательства?

Ковалькова изумленно уставилась на меня, потом покачала головой с какой-то странной усмешкой.

– Нет, у него стопроцентное алиби.

– И какое же? – уточнила я.

– Он умер почти за год до смерти Камиллы.

Я ошеломленно молчала. Молодые супруги уходят в мир иной один за другим в течение года.

– А не могло случиться так, что Камилла после смерти любимого муж впала в депрессию и...

– Вы считаете, что моя сестра покончила с собой, потому что не смогла смириться с потерей любимого мужа? – резко перебила меня Ковалькова.

– Но ведь это не исключено.

Ковалькова решительно покачала головой.

– Исключено, – заявила она. – Я вам не все рассказала. Сейчас вы поймете, что самоубийство здесь ни при чем.

Я покорно приготовилась слушать, рассчитывая, что теперь моя собеседница наконец дойдет до сути дела.

– Однажды Сергей не ночевал дома, не отвечал на звонки, а пришел лишь на следующий день, да и то уже поздно вечером. От него сильно пахло спиртным, он еле доплелся до спальни и рухнул на кровать. Камилла и так была на взводе, она ведь переживала, думала, что-то случилось, хотела даже в полицию звонить. Конечно, она вновь закатила скандал, и правильно! Ее можно понять.

Елизавета прервала свой рассказ и посмотрела на меня, словно ожидая одобрения. Я не склонна думать, что закатывать скандал пьяному мужчине продуктивное занятие. Хотя бы до тех пор, пока он не протрезвеет. Тем не менее я коротко кивнула, но лишь с тем, чтобы поторопить собеседницу.

– И тут Сергей внезапно вскочил, – продолжала Ковалькова, – начал кричать на Камиллу, что она ему надоела и что он давно любит другую девушку и собирается уйти к ней, а Камилла пусть катится куда хочет. Для Камиллы это был настоящий удар, она уже не представляла своей жизни без мужа. Она стала плакать, кричать, умолять Сергея не уходить. Но это его еще больше разъярило, и он...

Тут голос Елизаветы прервался, она всхлипнула и поспешно сделала еще несколько глотков минералки. Немного успокоившись, она продолжила:

– В общем, этот урод опять избил Камиллу, а потом повалил на пол и изнасиловал. После этого он улегся на кровать и захрапел, как будто ничего не произошло. Камилла, пока он не проснулся, поскорее выбралась из квартиры и побежала напрямик в отделение полиции. Она очень боялась, что в следующий раз Сергей ее убьет, как и грозился. В полиции Камилла написала заявление об изнасиловании, медицинское освидетельствование подтвердило ее показания. Сергея арестовали в тот же день и поместили в СИЗО.

– В самом деле? – удивилась я. – По идее-то, должны были банально оштрафовать.

– Почему? – недоверчиво спросила Елизавета, и я объяснила ей, что в России сложилась довольно-таки грустная ситуация с семейными конфликтами. При первичном обращении, даже если бы Камиллу серьезно избили, домашний насильник отделался бы штрафом. В крайнем случае забрали бы его в отделение на сутки. И только при повторном обращении в полицию в течение того же года, если женщина соберет доказательства, насильника могут задержать. Впрочем, упечь за решетку домашнего садиста так легко не удастся в любом случае. Пострадавшей от действий члена семьи женщине придется собирать веские доказательства, что совсем непросто.

– Действительно? – грустно покачала головой Елизавета и задумалась. После чего предположила: – Знаете, это же не в первый раз произошло. Камилла все же собирала справки о прежних его побоях, возможно, и в полицию обращалась? И Сергея действительно задержали? Я не очень-то разбираюсь в терминологии.

Я отметила себе, что надо будет эти данные проверить, и предложила собеседнице продолжать.

– Сергей, конечно, все отрицал, но улики против него были очень серьезные. К тому же, как я вам и говорила, Камилла предоставила справки о побоях, те, что сохранила после его прежних художеств. Она потом говорила, что хотела их выбросить, но вот ведь пригодились... Камилла была так напугана, что даже обратилась за консультацией к хорошему юристу. Он, правда, сказал, что дело будет непростое, и доказывать вину Сергея придется долго и нервно. Но возможно, под угрозой уголовного наказания он будет вести себя спокойнее, и Камилла успеет устроить свою жизнь где-нибудь подальше от Тарасова. Я бы ей обязательно помогла.

– И что же, Сергея все-таки посадили за изнасилование жены? – спросила я.

Елизавета отрицательно покачала головой.

– Нет, не успели.

– А что же случилось? – насторожилась я.

– Он внезапно умер там, в СИЗО, – Ковалькова передернула плечами. – К нему на свидание приходила его любовница, Вероника, кажется. Оказывается, этот подонок не врал и действительно собирался уходить от Камиллы к этой... Она ведь уже и залететь от него успела. А когда его повязали, у нее якобы от стресса случился выкидыш. Это она так заявила, а сама

небось сделала по-быстрому аборт. Любовника-то посадили, а одной растить ребенка неохота, вот она все так и обставила. Да еще себя выставила жертвой.

Ковалькова брезгливо сморщилась.

– А Сергей знал, что его пассия была беременна?

Елизавета кивнула:

– Ну да, знал. Она на свидании рассказала ему про выкидыш, а в ту же ночь у него в СИЗО случился обширный инфаркт. Спасти его не смогли и связали его смерть со стрессом. Арест, еще и потеря ребенка невестой так называемой. В общем, из них обоих сделали мучеников, а мою сестру смешали с грязью. Еще и ставили Камилле в упрек, что квартира Сергея досталась ей после его смерти, они ведь не успели официально развестись. А каково было моей сестре, что ей-то пришлось пережить, об этом хоть кто-нибудь подумал?!

Елизавета почти кричала, и собиравшаяся уходить юная парочка с интересом посмотрела в нашу сторону. Ковалькова замолчала и жестом подозвала официанта.

– Кофе, будьте добры, – потребовала она. – И можно коньяка добавить.

Официант понимающе кивнул и отправился выполнять заказ.

– Вы сказали, что вашу сестру смешали с грязью, – осторожно начала я. – А в чем конкретно это выражалось? Ей кто-нибудь угрожал?

– Да не то чтобы угрожал... – Елизавета откинулась на спинку стула и нахмурилась. – Были похороны, на них Камилла, естественно, не пошла, решила, что это будет неэтично. По понятным причинам. Зато была эта... Несостоявшаяся вдова.

– Вероника? – уточнила я.

Ковалькова кивнула:

– Рыдала там как ненормальная. Ну явно напоказ, как в театре. Мне ведь тоже пришлось там быть, я организацию похорон взяла на себя. У Сергея других родственников не было, только Камилла, ну и я, сестра жены. Ну и друзья Сергея пришли какие-то, с работы, наверное. На меня косо посматривали, но вели себя тихо. В общем, похороны прошли гладко, а вот поминки на девять дней – это что-то...

– А что случилось на поминках?

Ковалькова ответила не сразу, видимо, испытывая неловкость.

– Понимаете, я решила, что раз я полностью взяла на себя хлопоты и расходы о похоронах, то на этом моя миссия окончена, – Елизавета посмотрела на меня с некоторым вызовом, но в то же время в ее взгляде читалось смущение. – Поминки устроила Вероника, а Камилла решила туда прийти, хотя я ее и отговаривала. И, как оказалось, правильно делала. Я тоже пошла с ней в то злосчастное кафе на всякий случай. Так вот, едва мы пришли, как это самая Вероника бросилась нам навстречу как разъяренная курица. Причем накинулась она именно на Камиллу, меня не трогала. Наверное, признавала мое право скорбеть, я ведь все расходы на погребение и прочее оплатила. За деньги ко мне проявили лояльность!

Елизавета зло рассмеялась:

– А на Камиллу она просто орала, обзывала ее последними словами, обвиняя в смерти Сергея. Ее послушать, так это Камилла его и убила. А ничего, что он ее изнасиловал, а перед этим измывался над ней столько времени?! Да эта Вероника радоваться должна, что случай избавил ее от такого муженька. Такие, как он, не меняются, уж вы мне поверьте.

– Если Сергей давно издевался над Камиллой, почему она раньше не обратилась в полицию? – поинтересовалась я. Женщина пожала плечами:

– Любила, наверное. Вот и терпела, надеялась, что все наладится.

Ковалькова тщательно размешала ложечкой кофе, который ей только что принесли, и, отпив глоток, задумчиво замолчала.

– Елизавета Валерьевна, – спросила я после недолгого молчания, – я понимаю, что вам очень тяжело об этом говорить, но все же... Как именно погибла ваша сестра? Ведь есть же какие-то детали, которые навели вас на мысль, что Камиллу убили?

– Да, есть, – в голосе Елизаветы звучала решимость. – Камиллу нашли возле дома, под окнами ее квартиры. А в руке она сжимала ромашку, вы понимаете?!

– Ромашку? – удивленно переспросила я, не понимая, каким образом цветок в руке погибшей девушки может указывать на то, что она стала жертвой убийства.

Елизавета несколько раз энергично кивнула, пристально глядя мне в глаза:

– Да! Следствие пришло к выводу, что Камилла сидела на подоконнике, держа в руках цветок, задумалась и потеряла равновесие. Вот такая роковая случайность! – Ковалькова презрительно фыркнула: – К тому же перед смертью Камилла выкурила сигарету, опрокинутая пепельница валялась возле подоконника.

Я представила себе эту картину и пришла к выводу, что версия следствия выглядит логично. Велика вероятность, что именно так все и произошло, а Елизавета Ковалькова попросту себя накручивает. И все же я решила уточнить:

– А что именно заставляет вас думать, что это не так?

– Да Камилла всегда терпеть не могла ромашки и никогда бы не стала вертеть в пальцах этот дурацкий цветок, как это пытались представить следователи!

– Терпеть не могла именно ромашки? – я не смогла удержаться от удивленного возгласа.

– Представьте, да! Именно ромашки! – раздраженно подтвердила Ковалькова. – Это все из-за ее имени. С какого-то там языка оно переводится как ромашка. Ее мама в детстве так называла, и Камилла закатывала из-за этого такие бурные истерики, так что мать пообещала никогда ее так не называть. Ну и потом тоже случалось... Страшно подумать, сколько вокруг нас образованных людей! И буквально каждый второй считал своим долгом сообщить Камилле, что означает ее имя! Ее это буквально доводило до белого каления. Хотя во всем остальном она была пофигисткой. Смешливой, добродушной, немного наивной. Ей и так от жизни досталось, за что было ее убивать?!

Ковалькова выхватила из сумочки салфетку и приложила к глазам, потом схватила чашку и залпом допила кофе.

– Но это еще не все, – многозначительно добавила она. – Когда я пришла в квартиру сестры, чтобы забрать документы Камиллы и подготовить все для похорон, то у нее в спальне на комодке увидела вазу с цветами. С теми самыми ромашками! И было их четыре штуки, представляете? Словно кто-то заранее знал, что Камилла умрет. И стояла эта ваза возле фотографии Камиллы, которую она держала у себя на комодке. Очень нравилась ей эта фотография, Камилла и вправду очень удачно на ней получилась. Красивее, чем в жизни.

Я внимательно выслушала эти странные подробности и была вынуждена признать, что все это выглядело как чья-то дурная шутка. Вот только эта шутка привела к смерти молодой женщины.

– Ну, теперь-то вы видите, что я права и Камиллу действительно убили? – взволнованно спросила Елизавета. Однако я предпочла не спешить с выводами. Прежде чем начать расследование, мне предстояло обговорить с потенциальной клиенткой весьма щекотливый момент, к чему я незамедлительно и приступила.

– Елизавета Валерьевна, вы ведь понимаете, что, несмотря на некоторые настораживающие моменты, очень многое все же говорит в пользу версии официального следствия – ваша сестра стала жертвой собственной беспечности. То есть несчастный случай – наиболее вероятная причина смерти Камиллы.

Елизавета Ковалькова оказалась сообразительной особой.

– Я в любом случае оплачу вашу работу, – заявила она, твердо глядя мне в глаза. – Даже если подтвердится, что это несчастный случай. Но я уверена, что Камиллу убили. Сколько я вам должна?

Я назвала сумму задатка, и Елизавета, осведомившись, привязана ли моя банковская карта к номеру телефона, деловито принялась производить манипуляции на своем смартфоне. Через несколько секунд на мой счет поступила указанная сумма, и я приступила к необходимым расспросам.

– Елизавета Валерьевна, расскажите о круге общения вашей сестры. Вы упомянули, что Камилла работала в парикмахерской?

Ковалькова кивнула:

– Да, это мужская парикмахерская «Ваш стиль». Там она и познакомилась с Сергеем. На свою беду...

– Камилла и после свадьбы продолжала там работать? – уточнила я. – Может, дружила с кем-нибудь из коллег?

– Да, дружила, – Ковалькова почему-то неприятно поморщилась. – С Ариной, фамилии не знаю. Она тоже стилист в этой цирюльне. Кстати, она была свидетельницей на свадьбе Камиллы.

– Вы можете описать эту Арину? – спросила я.

– Да что там описывать! – на губах Ковальковой появилась презрительная усмешка. – Невзрачная такая, моль серая. Худенькая, маленькая, с короткой стрижкой. Бойкостью, правда, отличалась. В общем, из тех, что в каждой бочке затычка.

– Недолюбливаете вы подругу вашей сестры, – вскользь заметила я. Елизавета пожалала плечами:

– А за что мне ее любить? Она же видела, что этот Сергей – урод. И что, не могла отговорить Камиллу? Нет же, страдала Камиллу, что упустит классного парня. Давай, говорит, тащи его в ЗАГС, на свадьбе погуляем. Вот и погуляли...

Что ж, в последовательности госпоже Ковальковой не откажешь. То заявляет, что сначала муж сестры ей понравился, теперь же обвиняет подругу Камиллы в том, что та не отговорила ее от неудачного замужества. Однако озвучивать я свои выводы не стала, лишь мысленно взяла эти подробности на заметку и продолжила расспросы:

– Вы упомянули, что Камилла после ареста мужа обращалась за консультацией к юристу. А вы, случайно, не знаете, к кому именно?

– Прекрасно знаю, – заявила Ковалькова. Это Городишин Борис Павлович, известный адвокат в Тарасове. Может, слышали? Очень дельный, между прочим, и Камилле помог.

Я сдержанно кивнула. Мне приходилось пару раз обращаться к Городишину в связи с предыдущими расследованиями. Ковалькова не зря назвала Бориса Павловича дельным адвокатом. Гонорары Городишина были не из доступных, но всецело себя оправдывали. Казалось, не было такой передраги, из которой Городишин не смог бы вытащить своего клиента. Несколько удивило меня то, что к нему обратилась Камилла – с ее-то маленькой зарплатой, которой и на съем квартиры не хватало. Зачем она это сделала?

– Вы упомянули, что в квартире вашей сестры появилась какая-то странная инсталляция, – обратилась я к своей клиентке.

Ковалькова непонимающе посмотрела на меня.

– Я имею в виду тот букет ромашек возле фотографии Камиллы, – напомнила я. – Он еще в квартире?

– Ах да, – Елизавета кивнула. – Да, скорее всего, он еще там. Я еще ничего не убирала после смерти сестры, разве что смахнула пыль с мебели и прошла пылесосом по паласу. До сорока дней не принято выбрасывать вещи покойного...

– Вы не могли бы дать мне ключи от квартиры Камиллы? – попросила я. – Мне хотелось бы лично все это увидеть. Возможно, удастся что-нибудь обнаружить.

Ковалькова кивнула и принялась рыться в сумочке.

– Да, у меня есть свои ключи от квартиры, – пояснила она, выудив из сумочки связку ключей и протягивая ее мне. – Камилла специально для меня их заказала, еще в прошлый мой приезд.

Ковалькова неуверенно посмотрела на меня и, сама того не подозревая, ответила на вопрос, который давно вертелся у меня на языке.

– Я не могу долго находиться в квартире Камиллы, – пояснила она, негромко всхлипнув. – Поэтому сейчас живу у подруги, она приютила меня на несколько дней. Пока... Пока все это не закончится. Но вы можете туда заходить, когда захотите. Если вдруг соседи начнут любопытствовать, пусть звонят мне, я все объясню.

– Спасибо, – я убрала связку в сумочку.

Больше никаких сколько-нибудь значимых подробностей Ковалькова сообщить не смогла и, попросив меня держать ее в курсе расследования, попрощалась и поспешно покинула кафе. Я же, напротив, не торопилась уходить из прохладного зала и, заказав еще кофе, принялась просматривать заметки в своем блокноте, которые делала во время беседы с клиенткой.

Информации было, прямо скажем, негусто. Я позвонила Кире и выяснила, что да, Камилла Шальновская как минимум трижды обращалась в полицию по поводу побоев и издевательств мужа. В первый раз он отделался штрафом, во второй – был задержан на сутки, а в третий, по пьяни, еще и с полицейскими вел себя агрессивно, потому его и оставили в отделении на пятнадцать суток. До СИЗО, кстати, дело не дошло – Елизавета перепутала, наверное. И он правда умер в отделении. После чего я решила начать с юриста, Городишина Бориса Павловича. Порывшись в смартфоне, я убедилась, что с нашей прошлой встречи Борис Павлович не поменял место своей дислокации, то есть продолжал принимать клиентов в своей адвокатской конторе на одной из центральных улиц Тарасова. Я мысленно прикинула, что от кафе, где я расположилась с таким комфортом, до адвокатского бюро Городишина примерно полчаса хода. Быстрым шагом удастся добраться минут за двадцать. Топать по жаре, конечно, то еще удовольствие, но мысль, что придется возвращаться к себе во двор, чтобы очутиться в нагретом салоне авто, казалась уж и вовсе нестерпимой. Немного поколебавшись, я все же сделала выбор в пользу пешей прогулки и с сожалением покинула свое прибежище.

Глава 2

– Татьяна, вы ли это?! – Борис Павлович громогласно приветствовал меня на пороге своего кабинета. На лице солидного адвоката читалось радостное изумление, смешанное с жадным любопытством. Причем последняя эмоция явно превалировала.

Высокий и довольно плотный, но не тучный мужчина средних лет, Городишин являл собой образчик так называемого успешного человека. Один из лучших юристов в городе, Борис Павлович зарекомендовал себя как адвокат по уголовным делам, способный вытащить, казалось бы, самого безнадежного клиента. О величине его гонораров, причем даже за краткую консультацию, говорилось шепотом. Однако я вполне могла рассчитывать и на продолжительную беседу с прославленным адвокатом, не потратив при этом ни копейки. Объяснялось подобное бескорыстие довольно просто – Городишину не раз случалось обращаться ко мне по поводу нюансов дела, если его клиент оказывался по совместительству фигурантом моего расследования. Моя помощь порой оказывалась весьма значимой, что позволяло Борису Павловичу в который раз оправдывать свои заоблачные гонорары.

– Прошу, прошу! – Городишин широким жестом пригласил меня в свою обитель, и я с огромным удовольствием опустила в уютное кожаное кресло, вновь очутившись в просторном помещении, где превосходная сплит-система обеспечивала превосходный комфорт.

– Горячих напитков не предлагаю, горячительных – тем более, – ворковал между тем Борис Павлович своим глубоким бархатным баритоном. – А вот от настоящей минеральной воды вы, надеюсь, не откажетесь.

Что ж, после Ковальковой настала моя очередь восстанавливать водно-солевой баланс. Минералка не относилась к моим излюбленным напиткам, но, сделав несколько глотков из высокого бокала матового стекла, я с благодарностью улыбнулась хозяину кабинета. Прохладный напиток с удивительно приятным вкусом подействовал освежающе, что сейчас было весьма кстати. Борис Павлович ответил самодовольной улыбкой.

– Я в этом знаю толк, – добродушно хохотнул он и тотчас принял деловитый вид: – Ну, с чем могу помочь?

– Борис Павлович, вы помните некую Камиллу Шальновскую? Она еще обращалась к вам за консультацией около года назад, хотела узнать, каковы ее шансы упрятать за решетку мужа-насильника?

– Хм... – Городишин озабоченно нахмурился и принялся щелкать по клавишам ноутбука. – Имя вроде знакомое, но все же год прошел. Сейчас посмотрим... Ага, вот. Шальновская Камилла Дмитриевна.

Городишин внезапно оживился и всем корпусом обернулся ко мне:

– Да, я вспомнил эту особу. Запомнил, потому что она отсчитала сумму за консультацию наличными трясущимися руками. Да, буквально тряслась от страха, без преувеличения. Сознаюсь, на меня она произвела не очень приятное впечатление, хотя мне было ее жаль.

– Жаль? – переспросила я. Городишин кивнул:

– Очень уж боялась она своего муженька и пыталась выяснить, каковы его шансы остаться на свободе. Что ж, ее опасения были вполне понятны, вы ведь знаете, что дела об изнасиловании одни из самых неоднозначных.

Я кивнула.

– Но в данном случае переживания моей клиентки оказались абсолютно беспочвенными, – заявил Городишин. – Со слов гражданки Шальновской, я уяснил, что улики против ее горе-муженька были серьезными, результаты экспертизы полностью подтверждали, что молодая женщина подверглась сексуальному насилию. Кроме того, эта самая Камилла поступила весьма предусмотрительно, сохранив результаты медицинских экспертиз. То есть, попросту

говоря, после каждого избиения она обращалась в травмпункт, чтобы зафиксировать побои. В полицию тоже обращалась, – добавил он то, что я уже успела выяснить у Кирьянова. – Я имею в виду – по факту причинения легкого вреда здоровью. Хотя и боялась, что мужа это лишь еще больше разъярит. Ну а после этой гнусной истории с изнасилованием эти свидетельства очень дажегодились. Своего рода отягчающее обстоятельство. Конечно, дело небыстрое, но девушка была готова ко всему, лишь бы засадить муженька за решетку. А почему вас заинтересовала эта давняя история? Появились новые обстоятельства?

– Появились, – вздохнула я. – На днях Камилла погибла.

Брови моего собеседника изумленно изогнулись.

– Погибла? – недоуменно переспросил он. – То есть ее убили? Вы ведь занимаетесь криминальными расследованиями...

Городишин с нескрываемым любопытством взглянул на меня и проговорил:

– Значит, сбылись худшие опасения Камиллы Шальновской? Рискну предположить, ее муж вышел из заключения по УДО и первым делом решил разобраться со сдавшей его женщиной.

Я покачала головой:

– Нет, до заключения дело не дошло. Сергей Шальновский скоростижно скончался еще до суда.

– Вот как... – задумчиво протянул Городишин. – А кто же тогда расправился с юной прелестницей? Вы кого-то подозреваете?

– Я даже не уверена, что с ней, как вы выразились, действительно кто-то расправился, – откровенно призналась я и вкратце рассказала Борису Павловичу известные мне детали гибели Камиллы.

– М-да, – скептически произнес Городишин, когда я закончила, – ровно поровну аргументов как в пользу убийства, так и несчастного случая. Возможно, депрессия из-за того, как повел себя муж. А может быть, и скрытое чувство вины – сами понимаете, Татьяна Александровна, женщины – создания нежные и ранимые. Отправила мужа за решетку, он там умер, а Камилла подумала, что из-за нее. Хотя... пожалуй, все-таки суицид мы с вами можем острожно исключить.

– Почему? – заинтересовалась я, поскольку доводы с чувством вины и возможной депрессией казались мне вполне логичными.

– Камилла Шальновская была натурой устойчивой в психическом плане, более чем. Барышни подобного типа, судя по моему опыту, скорее виновника негативных эмоций прикончат, нежели себя. Она себя любила искренне и безусловно.

– Постойте, а как же тогда объяснить то, что она не ушла от мужа при первых признаках агрессивного поведения? – Городишин и впрямь мужик опытный, адвокат отличный и в людях разбирается, так что я могла ему верить. Но все же...

– Ой, Татьяна Александровна! Мало ли объяснений можно отыскать? Возможно, материальный вопрос сказался. Шальновская сама по себе – парикмахерша, заработки не сказать чтобы большие. А муж у нее все-таки состоятельный... был. И она вполне могла надеяться, что все утрясется постепенно – и терпеть, не желая расставаться с обеспеченной жизнью. Может быть, кстати, и чувства, и много разных факторов.

– То есть вы полагаете, что она не самоубийца?

– Полагаю, что так, с высокой долей вероятности. В непростое дело вы ввязались, Татьяна Александровна. Даже не знаю, что вам посоветовать...

Борис Павлович сочувственно посмотрел на меня и тут его взгляд оживился.

– Да! – почти вскричал он. – Ведь у истории с этим Шальновским было продолжение!

Его холеные пальцы вновь забегали по клавиатуре, и через пару минут Городишин довольно кивнул:

– Буквально вслед за Камиллой ко мне за консультацией обратилась некая Вероника Гаврютина. Это была довольно нервная молодая особа примерно одних лет с Камиллой.

Услышав имя упомянутой особы, я вся обратилась в слух. О Веронике говорила и Ковалькова, причем в весьма негативном ключе.

– Так вот, – увлеченно продолжал Борис Павлович, – если Камилла хотела узнать, насколько велики шансы Сергея Шальновского оказаться за решеткой, то Вероника Гаврютина, наоборот, жаждала выяснить, есть ли у него шансы там не оказаться.

Я несколько секунд обдумывала это замысловатое заявление.

– Иными словами, она хотела, чтобы вы защищали Сергея в суде?

Городишин кивнул:

– Примерно так. Но в первую очередь ей нужна была именно консультация. Вернее, Гаврютина хотела, чтобы ее успокоили и уверили, что все обойдется. И вот именно этого я ей пообещать не мог, я ведь знал, насколько серьезно положение этого самого Шальновского. Поэтому я в обтекаемой форме объяснил ей, что шансов немного, но не следует поддаваться унынию. Сам я отказался представлять интересы Шальновского в суде, я не берусь за заведомо проигрышные дела. Напрямик я этого, разумеется, не сказал, сославшись на то, что этот период у меня полностью загружен. В сущности, я оказал этой Веронике услугу. Вы ведь знаете, какие у меня гонорары. Девушка бы попросту напрасно потратилась, а так она хотя бы не выбросила деньги на ветер. Однако я дал ей координаты другого юриста, Арсентьева Георгия Дмитриевича.

Я сделала пометку в блокноте и уточнила:

– Это адвокат по уголовным делам?

Городишин кивнул:

– Да, молодой человек, из тех, кого принято называть перспективными. Это дело он бы, конечно, не потянул, но все же лучше, чем ничего.

– А вы не могли бы и мне дать координаты этого Арсентьева?

Борис Павлович кивнул и, порывшись в ящике стола, извлек небольшой серый прямоугольник из неплотного картона.

– Вот, пожалуйста, – улыбнулся Городишин, протягивая мне визитку. Я поблагодарила и убрала кусочек картона в сумочку. Тут дверь в кабинет Городишина приоткрылась, и в нее робко заглянула худенькая девушка в темно-коричневом костюме. В руках у девушки был блокнот. Вероятно, это была секретарь Городишина, которую я попросту не заметила, проходя через приемную, до того неприметный у нее был вид.

– Борис Павлович, – произнесла секретарь тихим, слегка испуганным голосом, – к вам представители оптового объединения, говорят, у вас назначена встреча...

При этих словах девушка виновато оглянулась.

– Да-да, я помню, – Городишин явно смешался, но я тут же пришла ему на выручку. Поднявшись из уютного кресла, я проворковала с очаровательной улыбкой:

– Спасибо, Борис Павлович, что уделили мне время и за помощь.

Городишин вежливо улыбнулся в ответ, на его лице читалось явное облегчение.

– Ну что вы, не стоит благодарности, Татьяна Александровна. Рад был с вами повидаться. Всегда к вашим услугам.

Распрощавшись с Городишиным столь церемонным образом, я вышла в приемную, едва не столкнувшись с упомянутыми торговыми представителями. Два типа в футболках и спортивных брюках, которые, скорее всего, были попросту владельцами оптового склада на ближайшем рынке, уставились на меня с вожделием, разве что слюна не капала. Меня всегда выводили из себя подобные знаки внимания, и я едва удержалась от того, чтобы не показать язык, а заодно и средний палец этим ценителям женской красоты. Вместо этого я, не одарив визитеров Городишина ни единым взглядом, презрительно прошествовала мимо них к выходу

из приемной. Услышав позади восхищенный шепоток «Классная телочка!», я вновь сделала над собой усилие, чтобы, резко развернувшись, не врезаться им обоим с размаху между глаз, продемонстрировав таким образом свою неоспоримую классность. Вместо этого мне пришлось ограничиться мысленным пожеланием, чтобы Борис Павлович не смог им помочь. А заодно основательно разорил их своими баснословными гонорами так, чтобы этим типам пришлось сдать в ломбард свои печатки из дутого золота.

Подбадривая себя подобными кровожадными фантазиями, я вышла из прохладного офиса, с ходу угодив в объятия душного города. Свернув в небольшой скверик, я уселась на лавочку в тени раскидистой липы и извлекла из сумочки телефон, а заодно и визитку, которую заполучила у Городишина. Набрав номер Георгия Арсентьева, я услышала «информативное» сообщение, что абонент недоступен или находится вне зоны доступа. Попросту говоря, господин Арсентьев отключил телефон. Ну что тут скажешь, если Георгий Дмитриевич часто практикует подобный прием, ему так и суждено оставаться перспективным адвокатом. Причем без достижения серьезных карьерных достижений. Что ж, коль скоро беседу с Арсентьевым пришлось отложить на неопределенное время, я решила побывать в квартире Камиллы.

Высотка, где на днях разыгралась трагедия, находилась в другом конце города, поэтому о том, чтобы идти туда пешком, не могло быть и речи. Я со вздохом поднялась со скамейки и побрела к своему дому. Перспектива оказаться в душном салоне авто удручала, но так хотелось поскорее найти хоть что-то, что могло бы навести на след преступника. Если, конечно, Елизавета, ослепленная жаждой отомстить за свою сестру, не ошибается и преступник действительно существует.

Оказавшись в машине, я некоторое время ждала, пока полуисправный кондиционер создаст хоть какое-то подобие прохлады. Наконец, когда температура в салоне стала чуть ниже, чем за пределами машины, я порулила в сторону Старой Набережной.

Оказавшись возле единственного подъезда тридцатидвухэтажной высотки, я невольно подняла голову, пытаясь всмотреться в окна, расположенные примерно посередине здания. Никаких шансов... Расположение высотки было таково, что некому было бы заметить что-нибудь подозрительное из окна противоположного дома. Объяснялось это тем, что никаких противоположных домов попросту не было. Небоскреб высился словно одинокий монументальный шпиль, если, конечно, бывают шпили прямоугольной формы. Возможно, в недалеком будущем у высотки появятся соседи-человеки, как ныне принято называть многоквартирные дома. Но сейчас дом, где некогда проживала молодая чета Шальновских, пребывал в гордом одиночестве посреди обширного участка, именуемого Новомостовой площадью.

Еще более нелепо было бы предполагать, что преступника, выталкивающего жертву из окна, мог заметить кто-нибудь из запоздалых прохожих. Вряд ли люди, решившие прогуляться перед сном или возвращающиеся из гостей, развлекаются тем, что сканируют взглядом окна на верхних этажах. Идеальные условия для недоказуемого убийства, лучшего и желать нельзя.

Мой взгляд переместился значительно ниже, и приблизительно на уровне второго этажа я заметила наружную камеру видеонаблюдения. Запомнив это, я вошла в подъезд и направилась к лифту. Оказавшись на нужном этаже, я извлекла связку ключей и без колебаний вошла в квартиру.

Я не стала задерживаться в небольшой темной прихожей и шагнула в единственную комнату, служившую одновременно и гостиной, и спальней. В довольно просторной комнате также царил полумрак, и я, подойдя к окну, раздвинула золотисто-коричневые шторы. В окно брызнул послеполуденный солнечный свет, и я с любопытством огляделась. Вплотную к стене была придвинута просторная тахта, покрытая светло-розовым атласным покрывалом и щедро декорированная подушками всевозможных форм и расцветок. Поверхность комода подле тахты была сплошь уставлена фарфоровыми фигурками животных, балерин и лебедей с золочеными клювами. Вероятно, Камилла в отношении декора придерживалась принципа «чем больше,

тем лучше». Посреди этого фарфорового изобилия высилась ваза с перламутровым покрытием с увядшими ромашками. На ближайšie к вазе статуэтки осыпалась желтая пыльца, на полу возле комода валялись посеревшие скукожившиеся лепестки. Как и говорила Ковалькова, в вазе было четыре цветка.

Я немного подвинула вазу, чтобы рассмотреть фотографию в золотистой рамке. Девушка на фото улыбалась широкой довольной улыбкой, показывая ямочки на щеках. Камилла была весьма привлекательной – яркая брюнетка с волнистыми волосами до плеч и веселыми темными глазами. Я решила прихватить фотографию с собой и, отправив ее в свою сумочку, продолжила осматривать комнату.

Я аккуратно обследовала содержимое ящиков комода. Косметика, бижутерия, расчески и головные щетки – все перемешалось самым хаотичным образом. То ли Камилла не отличалась аккуратностью, то ли кто-то здесь уже побывал до меня, пытаясь разыскать нужную ему вещь. Или деньги? Впрочем, ничего ценного в комодке не оказалось. В нижнем ящике я обнаружила ворох кружевного белья, довольно провокационного и явно дорогого. Такими комплектами обычно обзаводятся дамы, ведущие бурную личную жизнь. Тут мне пришло в голову, что я ровным счетом ничего не знаю об этой стороне жизни Камиллы. Елизавета Ковалькова о знакомых мужского пола своей покойной сестры ничего не сказала. Городишин, разумеется, не в счет. Здесь могло быть два разумных объяснения. Начнем с того, что после смерти мужа Камиллы едва ли минул год. Стоит ли удивляться, что пережившая зверское изнасилование молодая женщина будет всячески избегать общения с мужчинами. Жертвы подобного преступления способны вернуться к прежней жизни далеко не сразу. Иногда на это требуется несколько десятилетий, а то и вовсе вся оставшаяся жизнь. Однако обилие сексуального нижнего белья ставило подобный вывод под сомнение.

Другой вариант – сводные сестры были вовсе не так близки, как воображала Ковалькова, и Камилла далеко не все рассказывала своей старшей сестре.

Был еще и третий, так сказать, запасной вариант – Ковалькова просто запомнила некоторые детали личной жизни сводной сестры. Эту версию я решила держать в резерве, чтобы уточнить при случае у своей клиентки.

Вновь подойдя к окну, я внимательно осмотрела непосредственное место трагедии, под которым следовало понимать широкий подоконник. Камилла выпала из распахнутого окна, которое сейчас было полуоткрыто. Москитная сетка на окне отсутствовала. Понимая, что снимать отпечатки пальцев с подоконника и оконной ручки уже не имеет смысла, я открыла окно настежь, пытаясь воссоздать картину трагедии. Девушка сидит на подоконнике с дымящейся сигаретой в одной руке и цветком ромашки в другой. Предположим, она глубоко задумалась и, внезапно пошатнувшись, выпала из окна спиной назад. Мгновенный паралич сознания попросту не дал несчастной девушке возможности вовремя среагировать на смертельную опасность и ухватиться рукой за край подоконника. Этот шанс спасти свою жизнь Камилла упустила, какие-то доли секунды решили дело. Вместо того чтобы бросить ромашку и удержаться на подоконнике, Камилла лишь сильнее вцепилась в цветок. По словам Ковальковой, ее погибшая сестра сжимала в кулаке злополучную ромашку. Так ее и нашли...

На полу под подоконником я также обнаружила пару съжившихся лепестков. Странно... Елизавета Ковалькова сообщила, что Камилла курила перед смертью. Возле подоконника, если верить ее словам, валялась опрокинутая пепельница с окурками. Вопреки своему убеждению ничего не трогать в жилище недавно умершего человека, Елизавета все же убрала пепельницу и выбросила окурки, что вполне понятно – не оставлять же в квартире такое свинство. А вот лепестки Елизавета не заметила. Что ж, она ведь сама пояснила, что всего лишь пропылесосила палас, а под подоконником никакого паласа не было. Я отошла от окна в противоположный конец комнаты, рассеянно осматриваясь. Ничего интересного мне больше не попало, и я собралась было выйти из комнаты, чтобы осмотреть другие помещения в квартире, но тут мой

взгляд уловил какое-то легкое поблескивание на полу у края тахты. Я наклонилась, и в моей руке оказался маленький прямоугольный предмет – глянцево-черная зажигалка. С некоторым удивлением я стала ее рассматривать. Изящная вещица строгого лаконичного дизайна уютно уместилась на моей ладони. Хотя, казалось бы, чему тут удивляться – Камилла явно не тяготилась своей вредной привычкой, вполне логично найти в ее квартире зажигалку. Вот только как она оказалась на полу? Ну, судя по беспорядку в комодке и довольно хаотичному убранству комнаты, Камилла не грешила склонностью к идеальному порядку. Просто швырнула зажигалку на тахту или комод, а та соскользнула на пол. На всякий случай я сунула зажигалку в сумочку, решив при случае показать ее своей клиентке. Может быть, Елизавета Ковалькова узнает вещицу, принадлежавшую сестре.

Мимоходом я заглянула в стенной шкаф, отодвинув дверь-купе. Содержимое шкафа вполне согласовывалось с увиденным мной в комодке. Ворох блузок, щедро украшенных люрексом и стразами, расшитые пайетками синтетические платья обтягивающего фасона или, наоборот, с пышными многослойными юбками были небрежно нацеплены на пластмассовые плечики. Подвигав вешалки взад-вперед, я не обнаружила ничего похожего на мужскую рубашку или джемпер.

Дальнейший осмотр квартиры окончательно убедил меня в том, что мужчины в жилище Камиллы были нечастыми гостями или не задерживались надолго. А уж о совместном проживании и вовсе речи не шло. Никаких бритвенных станков или пены для бритья в ванной комнате, лишь одинокая зубная щетка в пластиковом стаканчике и обилие баночек и тюбиков с кремом для ухода за кожей лица и снятия макияжа. Гипотетическая личная жизнь Камиллы, если таковая имелаась, протекала явно вне стен ее квартиры.

Я вернулась в прихожую и на узком подзеркальнике заметила небрежно брошенную золотистую сумочку на цепочке. Аксессуар в стиле хозяйки квартиры. Взяв сумочку, я принялась исследовать ее содержимое. Связка ключей на брелоке в виде сердечка, косметичка с леопардовым принтом, пачка сигарет и... Последняя находка заставила меня нахмуриться. У меня в руке вновь оказалась зажигалка, но ни дизайном, ни стоимостью она ничуть не соответствовала той, которую я несколько минут назад обнаружила в гостиной. В моей руке была дешевая зажигалка из прозрачного желтого пластика, одна из тех, которые принято называть одноразовыми. Выходит, у Камиллы было две зажигалки? Хотя почему бы нет. Камилла вполне могла пользоваться более дорогой и стильной зажигалкой от случая к случаю, предпочитая брать ее с собой лишь иногда, например, чтобы произвести впечатление на знакомых. А менее дорогие аналоги всегда носить с собой. Дешевую одноразовую зажигалку не жаль и потерять или где-нибудь забыть по рассеянности.

Больше ничего заслуживающего внимания в сумочке Камиллы не оказалось, и я вернула аксессуар вместе со всем содержимым на подзеркальник. Дольше оставаться в квартире не имело смысла, и я, посмотрев в дверной глазок и убедившись, что не столкнусь на площадке с кем-нибудь из бдительных соседей, выскользнула и бесшумно захлопнула за собой дверь. Защелкнувшийся замок отозвался едва слышным звуком. Повернув ручку, я попыталась вновь открыть дверь, но не тут-то было. Дверь оказалась заперта, и, чтобы попасть в квартиру, мне пришлось бы воспользоваться ключом. Я решила учесть это обстоятельство и направилась к лифту.

Оказавшись в машине, я предприняла еще одну попытку связаться с Георгием Арсентьевым. Ничего нового я не услышала, перспективный адвокат, видимо, предпочитал весь сегодняшний день быть недоступным. Я пожала плечами и порулила к себе домой. Что ж, у каждого свой стиль работы. Мне, например, больше подходит быть на связи в любое время суток, а у Георгия Дмитриевича, по всей вероятности, имелись свои соображения на этот счет.

Заходя в квартиру, я с беспокойством прислушивалась к своим ощущениям. Еще одну атаку тропической духоты мой организм вряд ли выдержит, надо будет срочно найти действен-

ный способ поторопить ремонтную службу. К моему облегчению, все оказалось не настолько трагично. Во второй половине дня солнце светит в окна моей квартиры уже не столь интенсивно. Однако я решила предпринять попытку снизить температуру окружающей среды хотя бы еще на два-три градуса. Призвав на помощь всю свою домовитость, которая, прямо скажем, никогда не была моей сильной стороной, я тщательно исследовала залежи на антресолях, пока не обнаружила искомый предмет. Вентилятор на высоком штативе, о существовании которого я забыла с тех пор, как в моей квартире появилась сплит-система. Я установила допотопный охладительный прибор возле кровати и, включив его, убедилась, что мотор издает едва слышное мерное гудение. По крайней мере, спать мешать не будет. Оставив в спальне включенный вентилятор, я наскоро приняла душ и сварила себе крепкий кофе, в первый раз за сегодняшний день.

Прихватив кофе, я вернулась в комнату и устроилась на кровати перед включенным вентилятором. То ли прибор действительно превосходно выполнял свою функцию, то ли мне просто отчаянно хотелось убедить себя, что воздух в комнате посвежел, но я почувствовала себя гораздо лучше, чем накануне. Кофе обычно благотворно действует на мои способности к логическим умозаключениям, да и собранные факты требовали некоторой систематизации. Именно к последнему занятию я немедленно и приступила.

Для начала я поставила перед собой задачу – определиться наконец, погибла ли Камилла в результате случайности или молодая вдова стала жертвой хладнокровного убийства. Причем убийства, искусно замаскированного под несчастный случай. К однозначному выводу я пока не пришла, поскольку в пользу каждого из вариантов аргументов было приблизительно поровну.

Девушка, решившая выкурить сигарету, уселась на подоконник распахнутого окна. Лучшего места для этого занятия трудно найти, не спорю. Если еще при этом не забывать о собственной безопасности, как-никак семнадцатый этаж. Однако именно этим пунктом Камилла беспечно пренебрегла. О чем-то замечтавшись, девушка рассеянно вертела в пальцах цветок и... Именно такую картину гибели Камиллы Шальновской я уже воссоздавала мысленно, обследуя ее квартиру. С точки зрения логики и здравого смысла эта версия выглядела практически безупречно, однако полностью согласиться с ней мешали некоторые соображения. И, осознав эти соображения, я уже не могла так легко от них отмахнуться.

Поставив пустую чашку на столик возле кровати, я вытянулась на постели и, прикрыв глаза, принялась анализировать факты, которые не желали вписываться в картину под названием несчастный случай. Итак, во-первых, зажигалка. Как она оказалась в противоположном конце комнаты? Нелепо было бы предполагать, что Камилла, прикурив сигарету, попросту швырнула зажигалку, которая, пролетев через всю гостиную, шлепнулась на пол за тахтой. Зачем бы девушке так варварски обращаться с дорогой вещью? Приступ раздражения? Могла бы отыграться на чем-нибудь другом, да хотя бы на той же злополучной ромашке.

Кстати, о ромашках. Елизавета Ковалькова настойчиво уверяла меня, что ее сводная сестра просто на дух не переносила эти цветы. Тогда каким образом они вообще оказались в ее квартире? Да к тому же ваза стояла на самом почетном месте, среди излюбленных предметов декора. Кстати, она оказалась без воды. Конечно, со дня гибели девушки прошло несколько дней, но могла ли вода так быстро испариться? И самый интригующий момент – цветок, зажатый в руке погибшей Камиллы. Мне вновь вспомнилась фраза из рассказа Елизаветы Ковальковой. Моя клиентка в тот раз уточнила, что Камилла терпеть не могла ромашки именно из-за ассоциации с ее именем. А что, если предполагаемый убийца Камиллы именно этой ассоциацией и руководствовался. «Смерть тебе, проклятая ромашка!» Или молодая женщина случайно познакомилась с неким мужчиной, с которым ее вовсе ничего не связывало, а тот оказался маньяком со своим особым почерком. Например, отправив на тот свет очередную жертву, оставлял какую-нибудь метку, в данном случае – цветок. Немного подумав, я отбросила эту версию, как заведомо бесперспективную. Слишком уж хлопотно – сначала вытолкнуть

девушку из окна, потом спуститься и вложить в ее ладонь символ свершившегося возмездия. К тому моменту, как он спустится следом, вокруг жертвы наверняка соберется несколько свидетелей. А даже если нет, то любопытствующие соседи с нижних этажей могут во всех деталях лицезреть эту сцену из своих окон. Такое происшествие, как падение человека из окна жилого дома, не может остаться незамеченным. Да еще есть камеры видеонаблюдения. Опытный преступник не мог бы не принять во внимание эти обстоятельства, так что версия с маньяком отпадает. Однако одно слово, мелькнувшее в моем сознании, все же заставило меня задуматься.

Возмездие... За что могли убить Камиллу? Именно это мне и предстояло выяснить. Назовите мне мотив, и я скажу, кто убийца. Причем убийцу следовало искать среди знакомых Камиллы, ведь девушка наверняка сама открыла ему дверь. Никаких следов взлома, замок в полном порядке. Тут я припомнила еще одну подробность, которая бросилась мне в глаза при посещении квартиры погибшей, но до сих пор у меня не было времени как следует ее обдумать. Выходя из квартиры, я попросту захлопнула за собой дверь, и она оказалась запертой. А ведь то же самое мог сделать и убийца. В квартиру его впустила сама хозяйка, а выйдя, он попросту захлопнул дверь и был таков. Ищи, кому выгодно... Да никому, кроме разве что сводной сестры Камиллы. Если исходить из того, что рассказала мне моя клиентка, других претендентов, кроме самой Елизаветы Ковальковой, на наследство Камиллы не было. Да и то здесь вопрос наследования довольно проблематичен. Предположение о том, что расправиться с Камиллой могла сама Ковалькова, я отмела сразу. Зачем было в этом случае моей клиентке затевать расследование, да еще после того как официально дело было закрыто. Бред...

Итак, если корыстный мотив отпадает, остается только одно – искать одержимого мстью. Придя к такому решению, я почувствовала, как начинаю соскальзывать в сон под негромкое убаюкивающее гудение вентилятора.

Глава 3

В сновидение ворвалось настойчивое жалобное пиликанье, и я резко села на кровати. Первые две-три секунды я была уверена, что эти пронзительные звуки начал издавать проработавший всю ночь вентилятор, умоляя его выключить. Я поспешила выполнить просьбу измученного прибора, однако звуки не прекратились, и только теперь я сообразила, что их издает телефон.

– Слушаю! – мельком взглянув на экран, я убедилась, что мне звонит не кто иной, как Георгий Дмитриевич Арсентьев, с которым вчера я безуспешно пыталась связаться.

– Утро доброе! – радостно поприветствовал меня бодрый молодой голос. – Вы мне вчера звонили пару раз. Каюсь, был на судебном заседании и не смог ответить. Если вы хотите, чтобы я представлял ваши интересы, я к вашим услугам.

Арсентьев наконец замолчал, дав мне возможность вступить в диалог. Я была несколько ошарашена столь бурным потоком фраз, которые Арсентьев бойко выдавал одну за другой, не делая пауз.

– Доброе утро! Нет, я хотела бы с вами встретиться по другому поводу, – я решила не вводить в заблуждение молодого адвоката, который явно нуждался в клиентах.

– По другому? – в голосе адвоката слышались нотки разочарования. – А простите, с кем имею честь?

Вот с этого и надо было начинать! Я почувствовала легкое раздражение, относившееся не столько к моему не в меру разговорчивому собеседнику, сколько к тому, что до сих пор не сделала ни единого глотка кофе.

– Татьяна Александровна Иванова, частный детектив, – отрапортовала я на одном дыхании. – Мы могли бы встретиться? Кстати, ваш телефон мне дал Городишин Борис Павлович.

– Борис Павлович... – протянул мой собеседник с неподдельным благоговением. – Что ж, на сегодня у меня ничего не намечено. Можно встретиться в нашем офисе на Волгоградской. Это в Трубном районе. Представляете местность?

В ответ я едва не прыснула. Местность, как выразился Георгий Арсентьев, я отлично представляла. Не самый престижный район Тарасова, так называемая окраина, чем и объяснялась относительно невысокая плата за аренду нежилых объектов.

– А что конкретно вас интересует? – настороженно поинтересовался Арсентьев, видимо, спохватившись, стоит ли со мной связываться. Однако я оказалась хитрее осторожного адвоката и холодно ответила:

– Все подробности обсудим при встрече.

Арсентьев пару секунд молчал, однако рекомендация Городишина сделала свое дело.

– Договорились! – заявил он. – Во сколько вас ждать?

– Буду примерно через час, – пообещала я и, едва дослушав ответное бормотание, помчалась в кухню варить кофе. Вдохновленная предстоящим расследованием, я почти убедила себя, что сегодня уже не так жарко, и перестала испытывать суеверный ужас перед необходимостью воспользоваться газовой конфоркой. Наскоро разделавшись с завтраком, из бутерброда с сыром и чашки черного кофе и приняв душ, я подобрала для встречи с адвокатом светлое льняное платье-сафари без рукавов, за кажущейся скромностью которого угадывалась работа модельеров высшего класса. Оптимальный во всех отношениях наряд – выглядела я в нем не только сногшибательно, но и вполне респектабельно, что само по себе довольно редкое сочетание. К тому же лучшей ткани, чем тонкий лен, в жару не найти.

На этот раз я без колебаний уселась за руль своего авто, благоразумно рассудив, что топтать через весь город в Трубный район – это уже чересчур. К тому же, если верить навига-

тору, прежде чем добраться до офиса на Волгоградской, мне предстояло поплутать по узеньким переулкам с односторонним движением.

Как я и предполагала, мне пришлось порядком поколесить по тесным улочкам, сплошь застроенным панельными пятиэтажками. Когда я наконец добралась до нужного дома, такой же типовой пятиэтажки, меня ждал еще один сюрприз. Вход в офис адвоката Арсентьева располагался с противоположной стороны здания, так что подъехать к нему на машине не было никакой возможности из-за узких проходов с обеих сторон. Там едва ли могли разойтись два человека, так что о том, чтобы проехать на машине, не могло быть и речи. Мысленно помянув добрым словом всех специалистов, имевших отношение к планировке и застройке этого уютного микрорайона, я принялась выискивать более или менее пригодное место для парковки.

Кое-как приткнув автомобиль на относительно ровном клочке незаасфальтированного проулка, я не без тревоги огляделась по сторонам. Конечно, я, как и всегда, приняла меры предосторожности, включив сигнализацию, при этом отлично понимая, что в случае форс-мажора (читай, угона) у меня даже не будет возможности выглянуть в окно. Ох уж этот перспективный адвокат со своим офисом на отшибе! Пару секунд я колебалась, подумывая, не предложить ли Арсентьеву побеседовать в моем авто, но тотчас отбросила эту мысль. Меньше всего мне хотелось, чтобы Георгий Арсентьев принял меня за истеричную барышню. Вряд ли мне в таком случае удастся вызвать его на откровенность и вытянуть что-нибудь полезное. Я решительно направилась к пятиэтажке и, обойдя ее с торца, поднялась по порядком разбитым бетонным ступенькам. Офис Арсентьева, судя по всему, располагался в одной из бывших однокомнатных квартир на первом этаже. В подъезде с обшарпанными стенами на меня пахнуло сыростью, и я поспешила нажать на кнопку звонка, возле которого на клочке бумаги было нацарапано три фамилии. «Арсентьев Г.Д.», сообщила верхняя надпись. Я недоуменно пожала плечами. Вообще-то я не против разумной экономии, но уж приличной табличкой на дверь можно было обзавестись.

Мои размышления прервал звук торопливых шагов за дверью, и через секунду на пороге появился высокий молодой человек с всклокоченными светлыми волосами.

– Добрый день! – звонко поздоровался он и тотчас умолк, уставившись на меня с полуоткрытым ртом. Его светло-серые глаза выражали откровенное восхищение, при этом он явно не понимал, откуда я взялась на пороге его непрезентабельного офиса. Впрочем, о непрезентабельности я пока только догадывалась, хотя что-то мне подсказывало, что интерьер офиса вполне соответствует антуражу подъезда.

Я сдержанно кивнула в ответ на приветствие и напустила на себя строгий деловитый вид.

– Арсентьев Георгий Дмитриевич? – холодно уточнила я.

– А? – спросил тот немного растерянно и тут же спохватился: – Да-да, это я.

– Татьяна Александровна Иванова, частный детектив, – отчеканила я, сурово глядя в глаза забывчивому адвокату. – Мы с вами договаривались о встрече сегодня в...

Тут Арсентьев, не дав мне договорить, издал какой-то странный полуизвиняющийся-полувосторженный возглас и, стукнув себя по лбу, сделал приглашающий жест рукой. Я милостиво шагнула в помещение, на первый взгляд больше всего напоминавшее подсобку.

– Конечно я помню, что мы с вами договаривались, – скороговоркой бормотал Арсентьев, суется возле меня, пока я пыталась сориентироваться в этом странном подобии офиса. – Сюда, пожалуйста.

Адвокат поспешно открыл передо мной дверь, ведущую в единственную комнату бывшей квартиры. Теперь же вместо платяных шкафов и диванов здесь расположились три офисных стола, более всего напоминавших обычные школьные парты. Арсентьев проворно подошел к столу посередине, кое-как собрал разбросанные в беспорядке бумаги, под ворохом которых оказался ноутбук.

– Прощу! – Он указал на стул, который сам же только что придвинул к своему столу.

Я с опаской устроилась на краешке стула, показавшегося мне подозрительно хлипким. Адвокат уселся напротив меня и тут же вновь вскочил.

– Может, кофе? – с воодушевлением предложил он и, резко выдвинув ящик стола, извлек оттуда банку растворимого порошка. Я терпеть не могу растворимый кофе, поэтому отказалась от предложенного угощения с, пожалуй, чрезмерной поспешностью. Арсентьев с разочарованным видом убрал банку на место. Он явно испытывал неловкость, и я пришла ему на помощь.

– Георгий Дмитриевич, – доброжелательно начала я, – наш общий знакомый, Городишин Борис Павлович, посоветовал мне обратиться к вам.

Это замечание явно порадовало моего взволнованного собеседника, и он, перестав суетиться, улыбнулся в ответ:

– Да-да, я что-то припоминаю. Так чем я могу вам помочь?

– Я веду расследование, в котором фигурирует одна из ваших бывших клиенток, – доверительно сообщила я. – Это некая Вероника Гаврютина.

Арсентьев наморщил лоб.

– Гаврютина, Гаврютина... – пробормотал он, забарабанив по столу нервными тонкими пальцами. Судя по всему, это имя ни о чем ему не говорило. – Я представлял ее интересы в суде? – уточнил Арсентьев, включив ноутбук.

Я покачала головой:

– Нет, она хотела, чтобы вы защищали ее... – тут я запнулась, не зная, как лучше определить характер отношений Вероники Гаврютиной и мужа Камиллы. Гражданский муж? Сожитель? Отец ее будущего ребенка? – Это дело об изнасиловании, – сформулировала я наконец. – Вашим клиентом должен был стать Сергей Шальновский, именно о нем и хлопотала Гаврютина. Но до суда дело не дошло.

Арсентьев внимательно посмотрел мне в глаза и вдруг вновь хлопнул себя ладонью по лбу. Должно быть, это был его фирменный жест. Поскольку звук получился довольно звонкий, я с тревогой подумала, что адвокату не следует злоупотреблять подобным проявлением эмоций.

– Точно! Теперь я вспомнил. Шальновский, был задержан по подозрению в изнасиловании. Кажется, жертвой оказалась то ли его жена, то ли сожительница...

– Официальная жена, Камилла Шальновская, – подсказала я.

– Да-да, теперь припоминаю, Камилла, – протянул Арсентьев. – Несговорчивая особа, что крайне осложнило дело.

– Осложнило дело? – я изумленно подняла брови. – Так вы встречались с Камиллой?

Адвокат энергично кивнул.

– Хотел убедить ее пойти на мировую, забрать заявление. Она и слышать об этом не хотела. Буквально пришла в ярость, кричала, что я защитник насильника и садиста. Я пытался ей объяснить, что в суде ей нелегко придется – защитник попытается доказать, что она сама мужа спровоцировала. Да и вообще, у нас своеобразно к насилию в семье относятся. Пока человек никого из домочадцев не убил, ну или хоть тяжкие телесные не нанес, мало шансов упечь его за решетку. Но она просто не желала слушать. Еще и копии медицинских освидетельствований швырнула мне в лицо.

– Из травмпункта? – уточнила я. Арсентьев мрачно кивнул:

– Ну да, о побоях. Тогда я начал давить на жалость. Ведь эта самая Вероника была беременна от Шальновского. Как же, мол, говорю, можно оставлять ребенка без отца. Ведь ребенок-то ни в чем не виноват.

– И что же Камилла? – спросила я, в общем-то, предвидя, каким будет ответ.

– Да просто рассмеялась презрительно, вот и все, – пожал плечами Арсентьев. – Любвице ребенка заделал, жену изнасиловал, хорош психологический портрет подзащитного,

прямо сексуальный маньяк – это ее слова. А я-то собирался использовать эту беременность как смягчающее обстоятельство. Но не сложилось. С этим делом с самого начала все пошло не так.

– А что именно пошло не так? – поинтересовалась я.

– Камилле почему-то важно было именно посадить этого несчастного Шальновского, – задумчиво проговорил адвокат. – Ни на какие другие варианты она не соглашалась. Все твердила, что обязательно его упечет, как она выразилась. Повторила несколько раз, как в бреде. Потом вытолкала меня с воплями, что если еще раз к ней заявлюсь с такими предложениями, она и на меня управу найдет... Да, вы же о Веронике спрашивали, – спохватился вдруг адвокат, всматриваясь в монитор. – Когда она примчалась в офис, то есть прямо сюда, без предупреждения, без звонка, я подумал сначала – полусумасшедшая тетка. Выглядела так, словно только что из диспансера удрала, на вид можно было дать все сорок пять, честное слово. Это я уже потом пригляделся и понял, что она совсем еще молодая. Да и паспорт, конечно, понадобился, мы ведь договор оформляли по всем правилам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.